

А. С. Пученков

Тот самый Слащов...

[Рец. на кн.: Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021]

Пученков

Александр Сергеевич

д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
поддержке
Российского научного
фонда, проект
№ 20-78-10044
«Крым в поисках
национального
и конфессионального
согласия
(1783–1920 гг.)»

Фигура Якова Александровича Слащова не нуждается в представлении: безусловно, он — один из самых харизматичных участников Белого движения; вне всякого сомнения, Яков Александрович — самый известный реэмигрант, в конце 1921 г. вернувшийся в Советскую Россию из изгнания. Думается, что вовсе не одни лишь профессиональные историки знакомы с его воспоминаниями о Гражданской войне; книги эти, первые издания которых вышли еще при жизни Слащова в 1920-е гг., по праву считаются классикой мемуаристики; несмотря на очевидную, можно сказать, подчеркнутую субъективность автора, многие страницы содержат чрезвычайно ценные и не утратившие своего значения наблюдения об историческом противостоянии белых и красных. В свою очередь, выступая в роли военного историка, Яков Александрович оставался военным профессионалом высочайшего класса, именно поэтому его воспоминания востребованы исследователями Гражданской войны и сегодня. Словом, Слащов по-прежнему интересен — и историкам, и всем тем, кто интересуется новейшей историей России. Привлекает внимание и последующая трагедия Слащова, ставшего жертвой убийцы, который, согласно официальной версии советских властей, отомстил Якову Александровичу за казненного им своего родственника в Крыму во время Гражданской войны.

О Слащове писали многие¹, однако до настоящего момента не существовало полноценной научной биографии генерала, этот пробел был восполнен в конце

2021 г., когда из-под пера московского историка А. В. Ганина вышла монография, главным героем которой стал Яков Александрович.

Символично, что книга увидела свет ровно в год и месяц столетия возвращения Слащова из эмиграции в Россию. Перед читателями — жизнеописание знаменитого генерала, основанное на документах, извлеченных А. В. Ганиным из семнадцати архивов пяти стран.

В своей книге А. В. Ганин использует более распространенный вариант написания фамилии генерала — через «ё», а не через «о», как было принято писать в советских изданиях и как нередко писал свою фамилию сам Яков Александрович (с. 11).

Я. А. Слащов стал легендой еще при жизни, его фигура обросла мифами, многие из которых не имели никакого отношения к биографии реального человека. Появление такого количества легенд о вполне конкретном историческом персонаже вряд ли можно считать случайным: Слащов был слишком яркой и неординарной личностью. «Нет ничего удивительного, что у современников эта фигура, помимо непонимания, вызывала широчайшую палитру эмоций — от восторга до ненависти. Одни считали его героем, другие — изменником, третьи — прямым врагом», — пишет А. В. Ганин, констатируя, что «до сих пор о Слащеве не было издано ни одной серьезной книги» (с. 5). Автор поставил своей задачей реконструкцию биографии Слащова и деконструкцию тех мифов, которыми эта фигура обросла за столетие. К сожалению, таких мифов достаточно много, причем не все из них обусловлены переменами политической конъюнктуры в советской, постсоветской или эмигрантской историографических традициях. «Подлинная биография Слащева значительно ярче легенд о нем. Она важна не только в рамках истории Белого движения на Юге России, но шире — для истории Гражданской войны в целом. Жизнь этого своеобразного человека отразила самую суть братоубийственного конфликта с его противоречиями и безумствами. Столетие спустя пришла пора дать всестороннюю и по возможности объективную оценку роли генерала Слащева в истории нашей страны», — правомерно утверждает историк (с. 6). При подготовке своего исследования А. В. Ганин столкнулся с трудностью: Слащов — автор объемных воспоминаний; как следствие, у историка был соблазн пойти по пути их пересказа. «В то же время, — полагает ученый, — пересказ отражает лишь точку зрения самого мемуариста, причем только в той ее части, которую он пожелал сообщить окружающим... Между тем Слащев в своих воспоминаниях явно конструировал детали своей биографии для советского читателя и писал лишь то, что устроит власти СССР» (с. 9). Ввиду этого автор построил свое изложение на самом широком круге разнообразных источников, стремясь к максимально непредвзятому изложению фактов биографии Якова Александровича.

Особенностью исследовательского почерка А. В. Ганина всегда была его приверженность одной из самых увлекательных сторон работы историка — поиску и введению в научный оборот новых архивных документов. Благодаря своей добросовестности, Андрей Владиславович уже сделал немало ярких открытий — не стала исключением и рецензируемая книга, на страницах которой заинтересованный читатель обнаружит множество интереснейших подроб-

ностей из жизни Слащова. Уникален иллюстративный материал, касающийся самых разных аспектов карьеры генерала: например, удачной женитьбы на дочери командира лейб-гвардии Финляндского полка генерала В. А. Козлова, фотография которого помещена на страницах книги. Впервые опубликованы фотокопии листов из следственного дела, заведенного по факту убийства Слащова Л. Л. Коленбергом, изображение которого также можно обнаружить при знакомстве с работой А. В. Ганина.

Автору этих строк, как историку, чрезвычайно интересно было ознакомиться с воспоминаниями начальника конвоя Слащова, полковника М. В. Мезерницкого, вернувшегося вместе со своим генералом на Родину в конце 1921 г. Сам факт обнаружения и введения в научный оборот этих интереснейших записок в высшей степени примечателен: Мезерницкий — не просто рядовой офицер-доброволец, он — один из первых белогвардейцев, приехавших на Дон по зову генерала М. В. Алексеева в ноябре 1917 г., личность, как и Слащов, яркая и незаурядная. Думается, что «Четыре года у белых» Мезерницкого, написанные уже по возвращении Мстислава Владимировича в Советскую Россию, должны быть замечены специалистами, на мой взгляд, эти воспоминания занимают особое место в огромном корпусе белогвардейской мемуаристики: записки Мезерницкого уникальны по содержащемуся в них фактографическому материалу и его ценности.

Автор правомерно выстроил свое повествование о Слащове в хронологическом порядке: родился в семье потомственных профессиональных военных; отец его дослужился до полковника, а прадед по материнской линии, И. И. Обухов, с боями прошел всю эпопею борьбы с Наполеоном и принимал участие во взятии Парижа, выйдя в отставку в чине генерал-майора. Яков Слащов окончил Павловское военное училище, а затем, после производства в подпоручики, был определен для прохождения службы в прославленный Лейб-гвардии Финляндский полк (с. 12–14). А. В. Ганин подробно описывает увеселения молодых офицеров, их забавы — Слащов был на хорошем счету в полковой среде, его любили сослуживцы; в полку прошли многие годы службы Якова Александровича (с. 16–17). Никто, правда, и не предполагал тогда, что мягкий и доброжелательный юноша сумеет по-настоящему полюбить армейскую службу лишь во время войны, которая станет для него, по определению автора, «родной стихией» (с. 17).

Как и многие, если не все, офицеры, Слащов был честолюбив и мечтал об успешной военной карьере; будущий генерал сумел поступить в 1908 г. в Николаевскую академию Генерального штаба. Учеба в академии давалась Якову Александровичу непросто: он окончил ее без права причисления к Генеральному штабу — статус «академика», таким образом, не повлиял на его последующие успехи (с. 20).

В предвоенные годы Слащов преподавал тактику в престижном Пажеском Его Императорского Величества корпусе; после начала Великой войны Яков Александрович счел своим долгом перевестись в родной полк и отправился на фронт командовать ротой. По определению А. В. Ганина, «война позволила Слащеву проявить себя настоящим героем, презирающим смерть. Уцелел он,

можно сказать, чудом» (с. 21). Я. А. Слащов был много раз ранен, его храбрость отмечена высшими боевыми наградами Российской империи; он был одним из наиболее отличившихся на войне офицеров Лейб-гвардии Финляндского полка. Преданность родному полку Слащов сохранил на всю жизнь, сделал в ноябре 1920 г., при эвакуации из Крыма, все от него зависящее для вывоза полкового Георгиевского знамени (с. 22–35).

Революционный 1917 г. Слащов встретил уже в чине гвардейского полковника. Не возникает сомнений в том, что он воспринял «крушение власти и армии» крайне негативно, вряд ли Якову Александровичу могла импонировать и демагогия политических партий, столь заметно влиявшая на разложение фронта (с. 36). По всей видимости, Слащов, принявший в июле 1917 г. в командование Московский гвардейский полк, с каждым месяцем все более и более расходился во взглядах с Временным правительством; не исключено, что Яков Александрович связывал определенные надежды с выступлением генерала Л. Г. Корнилова в августе 1917 г. Не подлежит сомнению тот факт, что Слащов был настроен на продолжение войны до победного конца (с. 39).

Октябрьскую революцию он категорически не принял. Вероятно, следует доверять откровенному ответу генерала на вопрос советской анкеты о причинах неприятия Октябрьской революции: «Предвидел развал фронта и тяжелый для народа мир» (с. 40). Оставив свой пост, Слащов отправился на Дон, где к формированию антибольшевистской армии приступил генерал М. В. Алексеев. Именно в рядах белой армии Слащов видел возможность продолжить свое служение делу Отечества. Добровольческое командование поручило ему трудную и опасную миссию — Яков Александрович отправился на Северный Кавказ для создания офицерских организаций в районе Кавказских Минеральных Вод. Как справедливо констатирует А. В. Ганин, «первая половина 1918 г. в биографии Слащева, пожалуй, наименее известна» (с. 42). Очевидно только, что пребывание в регионе, охваченном войной всех против всех, было смертельно опасно; попытки Слащова поднять антибольшевистское восстание были неудачны, каждая из них могла привести его к гибели. На этот же период приходится и непродолжительный отрезок времени, когда он вместе с кубанским офицером полковником А. Г. Шкуро примкнул к Северо-Кавказской Красной армии под командованием бывшего хорунжего А. И. Автономова, надеясь общими усилиями остановить немецкое наступление, — даже в жизни Слащова столь авантюрных поступков было немного (с. 44–45).

Разрыв с красными, правда, произошел очень скоро, и вот уже Слащов в качестве начальника штаба партизанского отряда Шкуро воюет с большевиками (с. 47). Отряд этот воевал отчаянно храбро, под стать чинам отряда был и сам Слащов. После немислимых приключений, в августе 1918 г. он оказывается в Добровольческой армии, получив назначение командиром Кубанской пластунской бригады.

Весной 1919 г. Слащов начинает сражаться на знаковом, как оказалось, для него театре военных действий — в Новороссии и в Крыму. Как отметил А. В. Ганин, «примерно в одних и тех же местах ему довелось сражаться и в 1919, и в 1920 г.» (с. 55). В мае того же года Слащов был произведен в чин

генерал-майора, к этому времени, по словам историка, он «уже приобрел некоторую известность». Помимо очевидной, хотя и нередко преувеличиваемой, склонности к вину и кокаину, Яков Александрович выделялся своей безумной храбростью и какой-то особой порывистостью, позволявшей ему увлекать за собой войска.

По оценке А. В. Ганина, «Слащев был, несомненно, талантливым полевым командиром эпохи Гражданской войны и успешно решал многие боевые задачи» (с. 58). Подлинная слава и всеобщее признание ожидали его в недалеком будущем, когда в январе 1920 г., в соответствии с поступившими распоряжениями, он принял на себя « всю власть в Крыму и Северной Таврии, став на три месяца фактическим крымским диктатором» (с. 64). А. В. Ганин изучает стиль Слащова-администратора и дает характеристику особенностей принимаемых им управленческих решений. «Стиль управления Слащева можно проследить по приказам. Приказы он издавал отнюдь не каждый день, как обычно происходило в разгар боевых действий. Типичной являлась ситуация, когда новый приказ по корпусу издавался раз в четыре-пять дней, иногда временной разрыв был еще больше... Чем в столь длительные интервалы времени занимался командующий, остается не вполне ясным» (с. 64–65). Вместе с тем именно благодаря Слащову белые сумели удержать Крым на рубеже 1919–1920 гг. и сбереечь его для эвакуации остатков частей Деникина. Вероятно, именно Слащов ассоциируется в массовом сознании с образом белогвардейца — конечно же, благодаря вдохновенной игре артиста В. Дворжецкого, воплотившего образ Хлудова в картине В. Наумова и А. Алова «Бег», вышедшей на советские киноэкраны в 1970 г. Крым стал последним бастионом белой России, а Слащов, по праву приобретший к своей фамилии географическую приставку «Крымский» (по традиции почетных именованных-титлов), — последним из военачальников в истории Русской армии. Без военных успехов Слащова история никогда бы не узнала про феномен врангелевского Крыма — олицетворения белой России.

«В основу своих действий, — рассуждает А. В. Ганин, — Слащев положил идею активной обороны. Для этого он отводил свои части за перешейки, непригодные для размещения войск в холодное время... В случае прорыва обороны красные втягивались в дефиле, преодоление которых требовало не менее суток пути по голой степи и возможной ночевки на морозе и ветру, что изматывало войска. За это время им навстречу успевали подойти свежие силы белых, красные получали удар во фланг и тыл. Подобной тактикой Слащев в постоянных боях сумел сохранить за белыми Крым и успешно оборонялся от превосходящего противника до переброски на полуостров основных сил белых армий Юга России. В то время еще никто не думал, что Крым станет последним бастионом белых, а успех Слащева продлит Гражданскую войну на Юге России более, чем на полгода» (с. 66).

Важным и интересным представляется следующее сообщение А. В. Ганина: «На случай возможной неудачи у Слащева имелся запасной план. Ставка ожидала падение Крыма в любую минуту, поэтому генерал готовил и эвакуацию. Как и в 1919 г., он надеялся отвести войска на удобные для обороны Ак-Манайские позиции, а самому с отрядом в 700 человек уйти в горы для

ведения партизанской войны, после чего прорваться на Украину. При этом согласно данному слову не уйти из Крыма, пока командует, Слащев собирался покончить с собой. Впрочем, до запасного плана не дошло» (с. 69–70).

Военные успехи и популярность, по А. В. Ганину, вскружили голову генералу (с. 75). Неожиданно для всех, кроме, быть может, самого себя, в считанные месяцы он превратился в фигуру общероссийского масштаба. Историки А. Г. и В. Г. Зарубины констатируют, что в Крыму в начале 1920 г. генерал обладал «громким, пусть и негативным авторитетом», он имел несомненное влияние и на действующую армию². Думается, можно согласиться и с утверждением А. В. Ганина, что популярность Якова Александровича «давала ее обладателю политический капитал и в переменчивой обстановке рождала политические амбиции, что вскоре и проявилось» (с. 75). Согласно утверждению ученого, в конце деникинского периода Слащов «находился в какой-то степени в оппозиции к главному командованию» (с. 76). Можно предположить, что беспримерно честолюбивый Слащов считал себя достойным занять место главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) — хотя бы ради того, чтобы остановить развал белогвардейских частей, безудержной лавой катившихся обратно на Юг. Ряд авторитетных свидетелей прямо обвиняли Слащова в подготовке заговора по свержению главкома ВСЮР Деникина. По некоторым сведениям, Яков Александрович пытался вовлечь в заговор влиятельного командира Добровольческого корпуса генерала А. П. Кутепова; последний, однако, вел свою игру. «Судя по всему, — рассказывает о мотивах Кутепова А. В. Ганин, — Слащеву он обещал уговорить Деникина уйти, а сам сообщил главкому о том, что Слащев хочет его сбросить» (с. 78). Решение Деникина, приказавшего созвать совещание старших начальников, чтобы назначить преемника, вызвало недовольство как Кутепова, так и Слащова, расчеты которых на низложение главкома и принятие у него власти не оправдались. Впоследствии Слащов назвал Военный совет старших начальников в Севастополе 21 марта (3 апреля) 1920 г., на котором решался вопрос о преемнике Деникина, «генеральским совдепом» (с. 80).

Новый главнокомандующий П. Н. Врангель, названный на Военном совете в качестве преемника и утвержденный приказом Деникина, отчетливо осознавал, что Слащов сыграл определенную роль в его приходе к власти. Слащов переориентировался на Врангеля, за что получил повышение в чине. «По итогам смены главнокомандующего Слащев получил благодарность Врангеля, производство в генерал-лейтенанты», — пишет А. В. Ганин, констатируя, что «существовавшие противоречия в белом командовании не исчезли, а лишь усугубились» (с. 84).

В этот период Слащов становится в глазах приверженцев белой идеи фигурой полулегендарной. Как отмечает А. В. Ганин, «у Слащева не было ни одного знакомого, на кого бы он не произвел впечатление», — от певца Александра Вертинского до митрополита Вениамина (Федченкова) (с. 89). Современников поражала эксцентричность генерала, его «непохожесть» ни на кого. Единственное, в чем сходились все люди, знавшие Слащова, — это в признании за генералом несомненного военного таланта. Так, например, бывший депутат Государственной думы и первопоходник Н. Н. Львов обнаружил в Слащове «смесь

модного тенора и Суворова» (с. 93). Остроумно, что и говорить. Примечательно, правда, что Львов счел возможным сравнить генерала с фигурой такого грандиозного полководческого масштаба, как А. В. Суворов.

Известно, что Слащов нередко назывался одним из самых жестоких белогвардейских генералов. Подробно разбирая этот вопрос, А. В. Ганин правомерно заключает, что «невозможно определить, в какой степени террор Слащова являлся следствием его личных особенностей, а в какой — общего ожесточения Гражданской войны» (с. 95). Анализируя природу жестоких акций Слащова, автор исследования подчеркивает, что «некоторые эпизоды трудно объяснить прагматизмом, они скорее свидетельствуют о психическом нездоровье генерала» (с. 97). При этом ученый отмечает, что «несомненно, Слащов был фанатиком, беспощадным к врагам» (с. 98). Ради удержания Крыма Слащов был готов беспощадно подавлять большевистское подполье (с. 103). «Можно согласиться с тем, — пишет историк, — что, благодаря своему жесткому курсу на искоренение большевистского подполья, Слащев завоевал популярность... Все познается в сравнении, и слащевский террор (более сотни жертв) вскоре померк перед красным террором в Крыму 1920–1921 гг., жертвы которого исчисляются, по самым осторожным оценкам, тысячами людей» (с. 107).

Ученый подробно рассмотрел вопрос о знаменитых операциях — де-санте в Северную Таврию и Каховской, напрямую связанных с личностью Слащова. «Красные боялись Слащева», — подчеркивает А. В. Ганин, отмечая, что «Красная армия, с которой столкнулись врангелевцы, сильно изменилась по сравнению с предыдущими годами» (с. 120).

К тому времени удача отвернулась от Слащова. «Успех под Каховкой сыграл важную роль в итоговой победе красных над Врангелем, а Слащев в результате неудачи был вынужден оставить свой пост. Прежде Слащева терпели как популярного и успешного командира, несмотря на его дисциплинарные проступки и неуправляемость. Вполне возможно, у штаба Врангеля имелись основания опасаться окончательного выхода своенравного генерала из подчинения. Но после срыва Слащевым операции терпению Ставки пришел конец», — констатирует А. В. Ганин (с. 126). Бесконечно амбициозный и талантливый Слащов не сумел найти своего места в «команде» Врангеля. И Врангель, и его начальник штаба генерал П. Н. Шатилов относились к нему со злой иронией и опаской, обвиняя героя обороны Крыма чуть ли не в ненормальности; под этим, думается, скрывается и то, что барон, несомненно, усматривал в Слащове своего потенциального соперника.

В дальнейшем Врангель сделал все, чтобы избежать контактов со Слащовым, воспринимая его как явно нездорового человека. В очередной раз в истории Белого движения два вождя не смогли поступиться своим самолюбием во имя блага дела, которому оба преданно служили. Оказавшись не у дел в последние месяцы белой борьбы, Слащов оставался в Крыму тем не менее до самого конца в ноябре 1920 г. При отплытии из Крыма в дни эвакуации он буквально не выпускал из рук георгиевское юбилейное знамя его родного Лейб-гвардии Финляндского полка — бесценную реликвию, связывающую его с прежней, вероятно, счастливой жизнью (с. 138).

В короткий период своей эмиграции Слащов успел выпустить брошюру с красноречивым названием «Требую суда общества и гласности (оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы» (Константинополь, 1921), в которой «первая оборона» Крыма, под руководством Слащова — удачная, противопоставлялась второй — врангелевской, закончившейся катастрофой. Подтекст брошюры был ясен: Слащов сумел бы вновь отстоять Крым, а Врангель не сумел. Вместе с тем «Требую суда общества и гласности» понравилась не всем, авторитет Врангеля даже после крымской катастрофы был очень велик, ожесточенной критикой барона недавний герой обороны Крыма Слащов, об успехах которого уже успели забыть, многим напомнил Моску из знаменитой басни Крылова. «Лучшего памфлета, разоблачающего ничтожество этого крымского диктатора, надоевшего, по-видимому, всем своими бесчисленными рапортами, не могли бы создать и его злейшие враги. В этой брошюре ген. Слащева все получило свое место: и его претензия в российские Наполеоны, и его порывы разрешить собственным умом все запутанные вопросы политики и экономики путем рапорта по начальству, и саморекламное вдохновение при описании своих подвигов, и непомерное самомнение этого недоучившегося Митрофанушки», — писал мемуарист³. «Много говорят сейчас и о книжке генерала Слащова, проникшей к нам из Константинополя. Многие оправдывают Слащова и обвиняют Врангеля. Но большинство все-таки стоит на стороне Врангеля, уволившего Слащова из армии. Мне искренне жаль Слащова. Все-таки это был храбрый и решительный военачальник. Правда, последнее время в Северной Таврии он как-то опустил, даже на фронт почти не выезжал, но с его именем связано столько счастливых моментов в нашей борьбе, что жалок такой конец этого счастливого полководца. Самое неприятное заключается в том, что он унился до публичного сведения счетов с Врангелем, а этим он нарушил воинскую дисциплину, и, самое главное, выступил против Врангеля тогда, когда он особенно нуждается в поддержке в очень трудных обстоятельствах не для него лично, а для армии и всего русского дела», — записал в дневнике белогвардеец В. В. Саханев⁴. Распространяли произведение Слащова в Русской армии едва ли не из-под полы, а за обнаружение брошюры, например, в лагере в Галлиполи полагалось наказание (с. 142). Как бы то ни было, но «два медведя» — Слащов и Врангель — в одной берлоге ужиться не смогли.

Деятельная натура Слащова не могла, конечно, прозябать в эмиграции на вторых, если не на третьих ролях. Однако его возвращение в Россию произвело впечатление абсолютной сенсации, многими белогвардейцами оно было воспринято как предательство. Крайний интерес вызывают наблюдения автора, который утверждает, что «белая контрразведка располагала информацией о переговорах генерала с советской агентурой», при этом «в связи с его переговорами с советской стороной даже готовила убийство как самого генерала, так и его начальника штаба генерал-майора Г. А. Дубяго» (с. 149–150). Как бы то ни было, но Слащову удалось сбежать из Константинополя в РСФСР. «Истинные мотивы возвращения Слащева, вероятно, так и останутся загадкой. Соратники отказывались верить в то, что генерал переметнулся», — пишет А. В. Ганин (с. 150–151). Он не слишком верит в «перерождение» Слащова и в его отказ от

идеалов борьбы. «Не приходится сбрасывать со счетов вероятное намерение Слащева продолжить борьбу новыми методами — а именно, взорвать Красную армию изнутри. Намерение наивно-идеалистическое, но, по-видимому, соответствовавшее характеру и представлениям Слащева о Советской России», — утверждает исследователь (с. 153).

Отмечается, что «приезд Слащева использовался советской пропагандой для разложения белой эмиграции» (с. 159). Отвечая на вопросы, заданные ему в ВЧК по возвращении в Россию, Слащов подчеркнул, что просит «строевой должности» и дает «слово служить честно»⁵. Требование Слащева, однако, не было удовлетворено: «Предоставлять вчерашним врагам ответственные посты никто не собирался» (с. 162). Примечательно, что в вопросе об оценке возвращения Слащева в Советскую Россию сошлись даже непримиримые враги. «Трудно обнаружить те политические силы, которые бы оценили приезд Слащева в Советскую Россию положительно. Ветераны большевистского подполья восприняли это событие с не меньшим возмущением, чем их враг генерал Деникин», — констатирует А. В. Ганин (с. 166). В «предварительном заключении» по «делу» Слащева и вернувшейся с ним группы офицеров бывшей армии Врангеля, составленном Л. Д. Троцким и И. С. Уншлихтом, утверждалось, что предоставление Слащову со товарищи «военных должностей, преимущественно строевых... сможет произойти только после того, как Красная Армия узнает о самом факте перехода на сторону Советской России названных лиц, поймет мотивы, вообще освоится с этим фактом...». По мнению Троцкого и Уншлихта, «главная работа группы Слащева должна состоять в писании мемуаров за период борьбы с Советской Россией. Ввиду того, что мемуары эти обещают дать ценный политический, военный и бытовой материал, предоставить в случае надобности в распоряжение группы Слащева надежных стенографов, которые облегчили бы эту работу, и назначить для редактирования и вообще для руководства этой работой определенного товарища литератора». При этом группе Слащева предписывалось «воздержаться от встреч, посещений и пр., дабы внимание не рассеивалось и работы над мемуарами не затягивались. Указать Слащову и другим на большую политическую важность мемуаров...»⁶.

Генерал приобрел большую известность как автор воспоминаний о Гражданской войне⁷. «Всякие приказы и донесения у меня не сохранились, потому что, когда я в 21 году бежал из Константинополя, то оба моих ящика с документами всей войны были арестованы французской контрразведкой, так что у меня остались краткие хронологические заметки, бывшие на руках», — писал Слащов о специфике своей работы Г. Н. Батурина, в недавнем прошлом начальнику штаба Таманской армии⁸. «Разумеется, Слащев-мемуарист вынужденно отдавал дань советской цензуре, включив в текст покаянные размышления о своей прежней политической безграмотности (что дает почву для многочисленных спекуляций), но в целом воспоминания представляют собой ценный исторический источник», — отмечает А. В. Ганин (с. 176). Кроме того, Слащов преподавал на курсах командного состава «Выстрел». «Преподавал он блестяще, на лекциях народу полно, и напряжение в аудитории порой было, как в бою. Многие командиры-слушатели сами сражались с врангелевцами, в том

числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал, не жалея язвительности, разбирал недочеты в действиях наших революционных войск. Скрипели зубами от гнева, но учились», — вспоминал видный советский военачальник П. И. Батов⁹.

Есть и еще одна, абсолютно неизвестная прежде, страница «советского» этапа биографии генерала, реконструированная в монографии А. В. Ганина. В СССР Слащов был завербован ОГПУ, став тайным осведомителем. Его «служебное положение в РККА никогда не было простым» (с. 186). Он аттестовался по всем документам как преподаватель; должность, занимаемая им в РККА, была на несколько ступеней ниже, чем его прежнее положение корпусного командира. «Слащев-вешатель» в рядах Красной армии вызывал серьезное недовольство в самых разных кругах, недолюбливали генерала и другие бывшие белые офицеры (с. 188–189). К концу своей жизни Слащов тяготился преподавательской работой, его рапорт о переводе на строевую или штабную должность был отклонен. При этом кураторы Слащова констатировали, что штабной работой он «тяготится, не отдает ей всех сил и знаний, ведет ее небрежно» (с. 192–193). Буквально за несколько месяцев до гибели Слащов был освобожден от должности преподавателя и назначен в распоряжение Главного управления РККА. Возможно, ему и был бы предоставлен шанс вернуться к строевой службе. «Действительно, прорабатывался вопрос о переводе Слащева в строй. Но этим надеждам не суждено было сбыться», — пишет А. В. Ганин (с. 193).

11 января 1929 г., в день рождения Слащова по новому стилю, Яков Александрович был убит Л. Л. Коленбергом, объяснившим, что убийство имело единственный мотив — желание отомстить за расстрелянного 10 лет назад в Крыму по приказу Слащова брата... (с. 194). Возможно, что следствие предложило самую удобную для советской власти в то время версию загадочного преступления. Нелишним будет также и вспомнить, что всего год спустя в СССР начнется небезызвестная операция «Весна», затронувшая многих и многих кадровых военных, поступивших в свое время на службу в Красную армию и в массе своей честно служивших новой власти... «Имя Слащева было известно в СССР. Он мог претендовать на роль возможного лидера бывших белых», — высказывает предположение ученый (с. 198).

Книга изобилует множеством биографических подробностей, которые превращают портрет Слащова в многомерный; до Ганина исследователи даже не ставили перед собой задачу выявить эти данные — скажем, точную дату вступления генерала в брак, день его возвращения в Россию, боевые награды, полученные Яковом Александровичем за время Великой войны, и т. д. В изображении ученого белый генерал предстает как человек достаточно уравновешенный, осторожный, крайне амбициозный и, как говорили в старину, практический, а вовсе не эксцентричный психопат и жестокий солдафон, каковым он запомнился многим современникам.

Автор подготовил классическую биографию одного из самых известных белых генералов, значение которой для исторической науки со временем будет только возрастать. Слащов был не просто яркой фигурой российского безвременья, его судьба во многом типична для людей его калибра и круга — генерал

так и не смирился с поражением в Гражданской войне, став ее запоздалой жертвой. Пуля, которая не нашла его на полях сражений, все же настигла Слащова уже в мирное время — в красной Москве, столице Советской России, возвращение в которую стало одним из самых загадочных и иррациональных эпизодов его биографии.

¹ См., например, характеристики Слащова, представленные в работах А. Г. и В. Г. Зарубиных, В. П. Федюка и А. И. Ушакова, А. С. Кручинина и автора этих строк. Укажем лишь избранные труды: *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2008. С. 553–558; *Ушаков А. И., Федюк В. П.* Белый Юг. Ноябрь 1919 — ноябрь 1920. М., 1997. С. 32–57; *Кручинин А. С.*: 1) Генерал-лейтенант Я. А. Слащев-Крымский // Белое движение: исторические портреты: сб. / сост. А. С. Кручинин. М., 2011. С. 563–607; 2) Генерал Я. А. Слащев-Крымский и самосознание добровольческого офицерства // Белое движение на Юге России (1917–1920): неизвестные страницы и новые оценки: сб. / подгот.: И. В. Гиркин и др.; гл. ред. А. С. Кручинин. М., 1995. С. 41–47; *Слащов Я. А.* О Доброй армии в действии в 1918 году. Часть I / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 193–235; *Пученков А. С.* Генерал Я. А. Слащов-Крымский: штрихи к психологическому портрету // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: сб. науч. статей / редкол.: А. А. Непомнящий и др. Симферополь, 2016. С. 327–340.

² *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. С. 75.

³ *Краснов В. М.* Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции. М., 1993. Т. 11. С. 163. Необходимо сказать, что во многих из эмигрантских воспоминаний, издававшихся в 1920-е гг., личность Слащова освещалась сквозь призму его «предательства», каковым многими считалось возвращение генерала в большевистскую Россию.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 612. Дневниковая запись от 21.2 / 4.3. 21. Л. 58–59.

⁵ Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. М., 1998. Т. 1, кн. 2. С. 94.

⁶ Возвращение генерала Слащова / публ. А. Здановича // Неизвестная Россия. XX век: Архивы. Письма. Мемуары: в 4 кн. / сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. Кн. 3. М., 1993. С. 113.

⁷ Совокупность военных взглядов Слащова легла в основу его работы «Мысли по вопросам общей тактики», опубликованной в 1929 г., уже после гибели Якова Александровича. См.: *Слащов Я.* Мысли по вопросам общей тактики. М.; Л., 1929. На страницах специализированных советских военных изданий он публиковал свои работы по военной теории и истории Гражданской войны, в которые неизбежно вкрадывался и момент личных воспоминаний. См., например, следующие публикации Я. А. Слащова: 1) Маневр как залог победы // Выстрел. 1926. № 3. С. 26–33; № 4. С. 20–28; № 5. С. 20–29; 2) Материалы для истории Гражданской войны в России // Военный вестник. 1922. № 9–10. С. 38–43; № 11. С. 32–36; № 12. С. 41–44; № 13. С. 49–51; 3) Действия авангарда во встречном бою // Военный вестник. 1922. № 14. С. 9; 4) Лозунги русского патриотизма на службе Франции // Кто должник? : сб. документов / под общ. ред. А. Г. Шляпникова. М., 1926. С. 568–582.

⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1045. Л. 250. Письмо Слащова Батурину. 25 февр. 1925.

⁹ *Батов П. И.* В походах и боях. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1974. С. 22.

Статья поступила в редакцию 18 мая 2022 г.

Рекомендована к печати 20 октября 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пученков А. С. Тот самый Слащов... [Рец. на кн.: Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021] // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 1. С. 219–231. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.113>

Аннотация: Рецензия посвящена книге московского историка А. В. Ганина «Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский» (М., 2021). Это первая научная биография Я. А. Слащова, одного из самых известных деятелей южнорусского Белого движения, талантливого генерала и плодовитого мемуариста, автора классических записок, посвященных обороне Крыма в 1920 г. и его взаимоотношениям с белым диктатором, генералом П. Н. Врангелем. Я. А. Слащов — фигура исключительно яркая и харизматичная, оценки его деятельности — диаметрально противоположные, от восторженных до уничижительных. Наиболее ярко он проявил себя во время обороны Крыма на завершающем этапе Гражданской войны на Юге России. Вокруг фигуры генерала в мемуарной литературе сформировано большое количество укоренившихся мифов — и как о военном деятеле, и как об администраторе, и как о человеке. Благодаря привлечению документов из семнадцати архивов пяти стран многие стереотипы были опровергнуты, подробно воссоздан жизненный и профессиональный путь Я. А. Слащова от рождения и до смерти. А. В. Ганин раскрывает неизвестные страницы биографии Слащова, в частности подробности его службы в Русской императорской армии, Николаевской академии Генерального штаба, а также службы в Добровольческой армии в 1918–1919 гг. Автору удалось дать убедительное объяснение причин успехов Слащова в обороне перешейков Крыма на рубеже 1919–1920 гг. Несомненным украшением монографии стали редкие фотографии, иллюстрирующие отдельные сюжеты книги, а также документальные приложения, среди которых выделяются мемуары М. Мезерницкого, кадрового военного, участника Белого движения, вернувшегося вместе со Слащовым на Родину в конце 1921 г. А. В. Ганину удалось проследить этапы профессиональной карьеры Слащова, его участие в Первой мировой и Гражданской войнах, подробности возвращения на Родину и загадочное убийство. Особое внимание в рецензии уделено анализу освещения деятельности Я. А. Слащова в Крыму.

Ключевые слова: Гражданская война, Россия, Крым, эмиграция, Белое движение.

Сведения об авторе: Пученков А. С. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург); a.puchenkov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

FOR CITATION

Puchenkov A. S. 'General Slashchov' [Rev. on: Ganin A. V. White General and Red Military Specialist Yakov Slashchov-Krymsky. Moscow, 2021], *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 1, 2023, pp. 219–231. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.113> (In Russian)

Abstract: The article describes the work prepared by the Moscow historian A. V. Ganin, the first scholarly biography of Ya. A. Slashchov, one of the most famous figures of the White movement in Southern Russia, a talented general and a prolific memoirist, the author of classic notes on the defense of the Crimea in 1920 and his relationship with the White dictator, General P. N. Wrangel. Slashchov is an exceptionally bright and charismatic figure, and evaluations of his activities are diametrically opposed, varying from enthusiastic to derogatory. Most clearly, Ya. A. Slashchov realised himself during the defense of the Crimea at the final stage of the Civil War in the South of Russia. A large number of myths have been formed around the figure of the general in memoirs — both about him as a military figure and about an administrator, and about him as a person. Thanks to the involvement of documents from seventeen archives from five countries, the book dispels many stereotypes, and recreates the life and professional path of Ya. A. Slashchov, from birth to death, in detail. Ganin describes unknown pages of Slashchov's biography, in particular, the details of his service in the Russian Imperial Army, in the Nikolaevskaia Academy of the General Staff, as well as in the Volunteer Army in 1918–1919. The author manages to give a convincing explanation of the reasons for Slashchov's success in the defense of the isthmuses of Crimea at the turn

of 1919–1920. The undoubted merit of the monograph by A. V. Ganin are photographs illustrating a number of aspects of the book, in addition to documentary supplements, among which the memoirs of M. Mezernitskii, a regular soldier, a member of the White movement, who returned to his homeland with Slashchov at the end of 1921.

Keywords: Civil War, Russia, Crimea, emigration, White Movement.

The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 20-78-10044 “The Crimea in search of national and religious consent (1783–1920)”.

Author: *Puchenkov A. S.* — Dr. Sci. in History, Professor, St Petersburg State University (St Petersburg, Russia); a.puchenkov@spbu.ru

St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia

References:

- Krasnov V. M. ‘From the memories of 1917–1920’ in *Arkhiv russkoi revoliutsii*, vol. 11 (Moscow, 1993). (In Russian)
- Kruchinin A. S. ‘General Ya. A. Slashchev-Krymsky and self-awareness of volunteer officers’ in *Beloe dvizhenie na luge Rossii (1917–1920): neizvestnye stranitsy i novye otsenki* (Moscow, 1995). (In Russian)
- Kruchinin A. S. ‘Lieutenant General Ya. A. Slashchev-Krymsky’ in *Beloe dvizhenie: istoricheskie portrety* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Puchenkov A. S. ‘General Ya. A. Slashchov-Krymsky: strokes to a psychological portrait’ in *Istochnikovedenie i istoriografiia istorii Kryma XIX–XX vv.: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh statei* (Simferopol, 2016). (In Russian)
- Puchenkov A. S. ‘Slashchov Ya. A. Volunteer Army in 1918. Part I’, *Modern history of Russia*, no. 3 (14), 2015. (In Russian)
- ‘Return of General Slashchov’, publ. A. Zdanovich in *Neizvestnaia Rossiia. XX vek*, book 3 (Moscow, 1993). (In Russian)
- Ushakov A. I., Fedyuk V. P. *White South. November 1919 — November 1920* (Moscow, 1997). (In Russian)
- Zarubin A. G., Zarubin V. G. *Without winners. From the history of the Civil War in Crimea*, 2nd ed. (Simferopol, 2008). (In Russian)

Received: May 18, 2022
Accepted: October 20, 2022